

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЕВРОПА В РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ 90-х годов XX века

Татьяна БИТКОВА*

Abstract. После развала СССР Центральная и Восточная Европа из зоны исключительного советского влияния стала планомерно превращаться в сегмент евроатлантического присутствия. В статье рассматриваются причины этого исторического движения, место и роль России в этом процессе. На примере ряда стран – Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Словакии, Чехии и Югославии – представлен очерк взаимоотношений с Россией в контексте эволюции ее внешнеполитической концепции в 1990-е годы. На протяжении обозначенного времени Россия неуклонно теряла свое влияние в этом регионе, и вывод статьи состоит в неизбежности поворота бывших стран социализма к евроатлантической интеграции в 1990-е годы.

Keywords: геополитика, Россия, посткоммунистическая Европа, Евросоюз, НАТО.

Abstract. After the collapse of the USSR, Central and Eastern Europe started to convert systematically from the zone of Soviet influence to the segment of Euro-Atlantic presence. The article deals with the reasons for this historical movement, the place and role of Russia in this process. On a number of countries: Bulgaria, Hungary, Poland, Romania, Slovakia, Czech Republic and Yugoslavia, an outline is presented on their relations with Russia in the context of evolution of the concept of the Russian foreign policy in the 1990s. During this period, Russia was steadily losing its influence in the region, and the conclusion of the article is in the inevitability of turning the former socialist countries to Euro-Atlantic integration in the 1990s.

Keywords: geopolitics, Russia, the post-communist Europe, the European Union, NATO.

Характер взаимоотношений России и стран, входивших в прошлом в так называемый «социалистический лагерь», в последнее десятилетие уходящего века определялся несколькими общими обстоятельствами. Падение коммунистических режимов в Европе приветствовалось и поощрялось горбачевской администрацией, а позднее новым демократическим руководством России. Поэтому Москве казалось, что новые государства должны быть признательны ей, и она, безусловно,

* Старший научный сотрудник Института информации по общественным наукам Российской академии наук, кандидат филологических наук (tgbitkova@mail.ru).

ожидала позитивного к себе отношения. Ведь без лояльного отношения к событиям в Центральной и Восточной Европе со стороны Москвы они, скорее всего, не произошли бы.

Кремль был в недоумении, когда вскоре после распада СССР почти все восточноевропейские соседи вознамерились отстраниться от новой, демократической России и заявили о своей ориентации на Запад. Впрочем, Москве было в известной мере не до этого ввиду тяжелых внутренних проблем. Тем временем Восточная Европа из зоны исключительного советского влияния стала планомерно превращаться в сегмент евроатлантического присутствия.

Почему же это стало возможным? Во-первых, Россия не проявляла никаких признаков привычного силового воздействия на своих бывших союзников и подопечных, и это давало им свободу выбора. Во-вторых, даже продолжение экономического сотрудничества с Россией было весьма затруднительным по объективным обстоятельствам: восточный сосед все более погружался в системный кризис. Все посткоммунистические государства с первых шагов трансформации сами столкнулись с тяжелым расстройством экономики, а помощь и кредиты можно было ожидать только от Запада. И еще один, но очень важный аргумент: западный вектор внешней политики стран Центральной и Восточной Европы диктовался причинами ментального характера. Эти страны ожидали возвращения России к «имперским амбициям», на что указывал исторический опыт взаимодействия с Российской империей и СССР.

Однако силовое воздействие со стороны новой России в это время было исключено. Ее внешняя политика была концептуально иной. Унаследовав благородные мотивы горбачевского «нового мышления», российская внешнеполитическая практика опиралась на «доктрину Козырева». Суть ее состояла в ожидании, что мир вот-вот превратится в дружную семью демократических государств, а для достижения этого необходима безоговорочная поддержка любых западных инициатив. Позже «доктрину Козырева» стали квалифицировать как «либеральную» и романтическую. Однако вначале она не казалась романтической и иллюзорной, ведь и западные политики поначалу заявляли, что рассчитывают на быструю трансформацию России в развитую демократию с успешной рыночной экономикой. К тому же первые итоги реализации новой российской внешнеполитической линии были во многом позитивными. Был заключен ряд международных договоров, свидетельствовавших о конце противостояния периода «холодной войны».

Расчет на безболезненное реформирование политических и экономических реалий бывшего СССР оказался беспочвенным. Распад многонациональной супердержавы повлек тяжелые последствия для

внутренней жизни населявших ее народов: нарушились все привычные взаимосвязи. Реформы в новообразованной Российской Федерации не приносили ожидаемых плодов: экономический кризис поставил большую часть населения на грань физического выживания, рухнула вся система финансирования и хозяйствования, в возникшей неразберихе иностранная помощь и западные кредиты расхищались, государственная собственность в условиях законодательного несовершенства беззастенчиво растаскивалась частными лицами, даже уже принятые законы не работали, огромные средства незаконно уходили за рубеж, а для иностранных инвесторов не было поддержки.

Все это естественным образом стало вызывать недоверие к России за рубежом. Беспокоила и жесткая конфронтация внутри властных российских структур. Росту подозрительности к внутренней и внешней политике способствовали акции в Чечне, улучшавшиеся взаимоотношения с Ираном и хроническая напряженность в отношениях с Японией. Казалось, что возрождается агрессивный дух «империи зла», хотя у России не было достаточных экономических ресурсов просто для поддержания статус кво.

Опасаясь возможного усиления геополитической активности России, Запад стал проводить политику, не учитывавшую интересы Москвы. Ее позиции по внешнеполитическим вопросам вообще перестали волновать западных партнеров. Страны возникшего на руинах СССР Содружества независимых государств (СНГ), в свою очередь, не проявляли желаний возвращаться в зону интересов «старшего брата». Одновременно в Европе постепенно укреплялся новый полюс силы, обладающий не только экономическим, но и политическим измерением. Этим полюсом стал Евросоюз, возникший в 1992 г. на основе Европейского экономического сообщества. Параллельно НАТО поставила цель укрепить свои позиции за счет приема новых членов и расширения сферы своего влияния в Восточной Европе. Более того, Североатлантический альянс, отгеснив в сторону другие организации, стал претендовать на роль гаранта европейской и трансатлантической безопасности, интересуясь и постсоветским пространством.

В 1990-е годы Москва оказалась в непривычном для себя положении. Она все более ощущала свою слабость. Потеря кавказского и среднеазиатского регионов повлекла за собой потерю контроля над важными энергоресурсами. На западной границе Россия лишилась сферы не только политического, но и экономического влияния: был потерян уже сложившийся рынок товарообмена со странами восточноевропейского региона. «Возврат» в Европу прибалтийских стран затруднил России северное морское сообщение. Значительным геополитическим поражением

России в тот момент стало появление на карте независимой Украины с ее отнюдь не пророссийской политикой.

Ближний круг стран, представленный посткоммунистическими государствами Восточной Европы, а также ближайшее окружение, то есть бывшие союзные республики, все более отдалялись от Москвы, порой открыто проявляя враждебное к ней отношение. Некоторые страны, как Белоруссия или Казахстан, заняли позицию более дружественную, но порой и здесь ощущался подход исключительно прагматичный, в котором виделось вежливое, но не очень благосклонное ожидание. Ежегодные встречи глав государств СНГ носили совершенно формальный и исключительно ритуальный характер.

Критики внешней политики Кремля внутри страны утверждали, что правительство просто пустило события на самотек, воспринимая постсоветское пространство как нечто обременительное. Сходная критика звучала и в связи с Восточной Европой. Действительно, поскольку еще при Горбачеве Москва нацелилась на сближение с Западом, то власть рассудила, что «восточноевропейский буфер» теперь ей не пригодится. Таким образом, Восточная Европа стала зоной, открытой для перераспределения сфер влияния. К тому же вслед за самороспуском Организации Варшавского договора в Восточной Европе возникли локальные и региональные конфликты. Запад не остался в стороне от этих событий и стал проводить здесь политику не только «мягкой силы», но и оказывать прямое давление. «По большому счету евроатлантический замысел 1990-х, - писал бывший советник Билла Клинтона Р. Асмус, - состоял в том, чтобы, закрепив за Западом Центральную и Восточную Европу, раз и навсегда создать пояс стабильности между «расширенной» Европой и Россией»¹.

Активизация политики Запада в Восточной Европе, его не сравнимые с российскими финансовыми возможностями воспрепятствовали бы Москве проводить здесь эффективную политику даже при наличии более реалистичного внешнеполитического курса.

Доказательством сказанного служит эволюция российско-словацких отношений в этот период. В отличие от других восточноевропейских стран, Словакия после отделения от Чехии сохраняла стремление к сбалансированной позиции между Россией и Западом, порой проявляя и явную пророссийскую ориентацию. Нельзя не отметить, что интенсивность российско-словацких отношений до 1998 г. была, прежде всего, обязана политике премьер-министра В. Мечиара. В апреле 1997 г. между партнерами были подписаны важные соглашения в сфере энергетики и распространения информации, а также в оборонно-технической сфере.

¹ Асмус Р. Евроатлантическое Причерноморье, *Россия в глобальной политике*. – Москва, 2007. – № 3. <http://inosmi.ru/world/20070807/235910.html#ixzz2G2nNOHzj>

Велись переговоры о предоставлении Словакии гарантий нейтралитета со стороны Российской Федерации.

Попытки руководства Словакии установить нейтралитет не вызвали, однако, одобрения на Западе, и в первую очередь в США. Об этом недвусмысленно высказывались и официальные лица, в том числе американский посол в Словакии Р. Джонсон: «Правительство Соединенных Штатов гарантирует безопасность своим союзникам, но не обеспечивает ее нейтральным государствам...»². Премьер-министр В. Мечиар охарактеризовал тогда критику американского посла в адрес словацкого правительства как вмешательство во внутренние дела страны. Словацкая исследовательница Б. Лукан писала: «Таким образом, можно сделать вывод, что в 90-е годы, несмотря на получение Словакией собственной государственности после распада Чехословакии, ей так и не была предоставлена возможность суверенно избрать себе наивыгоднейшую внешнюю ориентацию»³.

Переломным моментом во внешней политике Словакии стал 1998 год. Победившая на парламентских выборах Партия демократической коалиции во главе с премьер-министром М. Дзуриндой еще в предвыборный период заявила о пересмотре характера взаимоотношений с Россией, чтобы устранить препятствие для быстрого вступления Словакии в НАТО и в ЕС. Лояльность Североатлантическому альянсу была доказана и готовностью Словакии открыть свое воздушное пространство натовским самолетам для бомбардировок Югославии в 1999 г.

Бывшие союзники по Варшавскому Договору и страны Балтии в 1990-е годы официально заявили о своем намерении вступить в ЕС и НАТО⁴ и даже не рассматривали возможности близкого сотрудничества с Россией, за исключением экономического, да и то в ограниченных пределах. Пионерами в этом отношении следует считать страны Вишеградской тройки⁵ (Венгрию, Польшу и Чехословакию), которые еще до распада СССР 15 февраля 1991 г. подписали совместную декларацию о стремлении к интеграции в европейские структуры. Именно Венгрия, Польша и Чехия стали позже пионерами процесса расширения НАТО и ЕС на восток.

² Cit.: Лукан Б. Российско-словацкие взаимоотношения (19.11.2001), <http://www.pravoslavie.ru/analit/slovakia.htm>

³ *Ibidem*.

⁴ Члены НАТО с 1999 г. – Венгрия, Польша, Чехия, с 2004 г. – Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Эстония.

Члены ЕС с 2004 г. – Чехия, Эстония, Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Словакия и Словения, с 2007 г. – Болгария, Румыния.

⁵ После распада Чехословакии на Чехию и Словакию ее стали называть Вишеградской четверкой.

Что касается взаимоотношений восточноевропейских стран с Россией, то они постоянно осложнялись историческими обидами и претензиями, хотя с нашей страной были либо подписаны базовые договоры о дружбе и сотрудничестве, либо продолжались переговоры на этот счет (как у Румынии). В периодической печати и научных публикациях стран Восточной Европы и Балтии Россию стали изображать государством, которое на протяжении многих веков душило свободу соседних народов, но главным грехом объявлялось насаждение коммунистических режимов.

Для чехов этот опыт сконцентрирован в событиях Пражской весны 1968 г. Ссылаясь в первую очередь на них, чешские политики в 1990-е годы демонстрировали почти полное отстранение от России. Как полагают эксперты, можно даже утверждать, что в первое десятилетие после падения социалистического строя российско-чешских отношений вообще не существовало. И здесь, безусловно, решающую роль сыграла позиция Вацлава Гавела.

Всемирно известный драматург, бывший диссидент и политзаключенный, последний президент Чехословакии и первый президент Чешской Республики (1993—2003) Гавел очень критично относился к характеру внутренних российских реформ и многократно выступал против российской внешней политики. Он был одним из лидеров, которые активно поддерживали расширение НАТО на восток. Гавел положительно отнесся к военной операции НАТО против Союзной Республики Югославия, выступив в поддержку бомбардировок ее территории в 1999 г. В 1994 г., в самом начале войны в Чечне, Гавел первым из мировых лидеров осудил российские бомбардировки Грозного. Уже уйдя с президентского поста, Гавел оставался авторитетной политической фигурой и «систематически обращал внимание на проблемные стороны российской демократии...»⁶. Все эти обстоятельства не способствовали российско-чешскому диалогу.

Отношения России с рядом бывших социалистических стран в 1990-е годы осложнились взаимоисключающими подходами к оценке событий Второй мировой войны. Главное обвинение России со стороны стран Балтии, как известно, заключается в оккупации 1940 г., произошедшей благодаря секретным протоколам Пакта Молотова-Риббентропа. Признание оккупации как исторического факта влечет экономические обязательства для страны-оккупанта. Поэтому Россия возражала на официальном уровне против такой оценки, но по-прежнему считала Балтию зоной своих геополитических интересов, «потому что ворота в Западную Европу для России всегда были и остаются жизненно важными»⁷. В то же время

⁶ Šaradín P. Rusko a Češi, *Deník Referendum*. - Praha, 2011. – 26 listopad.

⁷ Симонян Р. Россия и ее балтийские соседи: Баланс мифов и взаимных обид, *Россия и современный мир*. – Москва, 2008. – С. 167.

представители России на международных форумах постоянно напоминали о неудовлетворительном положении русскоязычного меньшинства в этих странах.

Осуждение Пакта Молотова-Риббентропа было ключевым моментом в российско-румынских переговорах по подготовке базового политического договора, длившегося более десяти лет и подписанного только 3 июля 2003 г. Румыния добивалась включения в текст соглашения формулировок, которые хотя бы косвенно осуждали пакт Молотова-Риббентропа. Россия же старалась уйти от упоминания документа, который реанимировал, в ее представлении, территориальные споры. Она настаивала: поскольку территории, о которых шла речь в связи с пактом (Бессарабия и Северная Буковина), уже не принадлежат России, то и нет причин затрагивать их в договоре. К тому же еще в 1989 г. Верховный Совет СССР денонсировал пакт Молотова-Риббентропа, заявив тем самым о его незаконности. Возврат Бессарабии Советскому Союзу состоялся не на основе пакта Молотова-Риббентропа, а явился следствием послевоенного устройства Европы в результате многосторонних договоренностей.

Переговоры, как известно, осложнялись и проблемой возврата румынского золотого запаса и других ценностей, отправленных во время Первой мировой войны на хранение в царскую Россию. Советское правительство, особенно после присоединения в 1918 г. Бессарабии к Румынии, категорически отказывались обсуждать эту тему. Позже, как следует из российских источников, возврат золота все же происходил.⁸ Однако, как считают в Румынии, был возвращен далеко не весь запас. Российской стороне все же удалось вывести за рамки договора как проблему румынского золота, так и осуждение пакта Молотова-Риббентропа. Многие в Румынии сочли этот договор несправедливым.

Не всегда прямо сформулированным на официальном уровне, но постоянно осложнявшим румыно-российские отношения на протяжении 1990-х годов был вопрос о самопровозглашенной республике

⁸ Как отмечается в документах довоенной и социалистической Румынии, а также в дневниках румынского премьер-министра М. Мэнеску, занимавшего этот пост во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов, пять и семь тонн из «золотого эшелона» СССР передал Румынии в 1934 и 1936 гг. соответственно (См. Вернёт ли Кремль румынам «золотой эшелон» (16.09.2011). http://www.ekhoplanet.ru/history_print_2033_13457).

Следующий этап возврата золота начался уже после окончания Второй мировой войны. Согласно материалам Союзной контрольной комиссии в Румынии, от 65 до 80 % румынских репарационных ежегодных выплат зачтено искомым золотым запасом, причём с согласия союзников. Затем в 1948—1949 гг. около 30 тонн из этих запасов было переведено в авуары нового, социалистического румынского правительства.

«Георгиу-Деж в своё время утверждал, что четыре и восемь тонн из этого запаса были переданы Румынии ещё в 1956 и 1964 гг. по распоряжениям Хрущёва и Брежнева, что «навсегда закрыло проблему монархического золотого запаса»» (там же).

Приднестровье, а также о законности пребывания на ее территории российского военного контингента. Время от времени обострялась ситуация и в связи с планами объединения Румынии и Молдавии. Россия, чьим геополитическим интересам идея такого объединения совершенно не отвечает, предпринимала все возможное для предотвращения развития событий в этом направлении.

«Днестровский узел», отягощавший российско-румынские отношения на протяжении рассматриваемого периода, как известно, не был развязан и в последующие годы. Сегодня продуктивной представляется позиция, выраженная в рамках проекта, предложенного на сайте «geopolitics.ru». Она базируется на подходе, согласно которому решить проблемы Молдавии невозможно без учета интересов и России, и Румынии: «... В силу исторических причин как Россия, так и Румыния играют особую роль в истории Молдавии и несут особую ответственность за её дальнейшую судьбу. Но сегодня, когда обе страны втянуты в противостояние в Бессарабии, каждая из них готова признать право на такую роль лишь за собой. Это превращает Москву и Бухарест в жестких конкурентов за влияние в регионе и блокирует любое сотрудничество»⁹.

В отличие от Болгарии или Словакии, где евроатлантическая ориентация носила то более, то менее интенсивный характер в зависимости от сил, находившихся у власти, Румыния, несмотря на смену президентских команд, уверенно продвигалась в западном направлении, хотя президента Иона Илиеску его либерально-прозападные оппоненты постоянно подозревали в симпатиях к Кремлю.

Нельзя не согласиться с оценкой румынского специалиста Л. Костантиниу, писавшего в 2009 г., что после 1990 г. чувство неудовлетворенности румынско-российскими отношениями было не только постоянным, но отношения характеризовались «скорее снисходительной холодностью с обеих сторон»¹⁰. Президент Илиеску, хотя и был убежден, что хорошие отношения с Россией принесли бы ряд выгод для Румынии, все же «проявил боязливость» в отношении базового договора, уже подписанного в 1991 г. с Советским Союзом, но не ратифицированного. «После развала СССР Илиеску предпочел не предпринимать существенных шагов в двусторонних отношениях. Второй президент Румынии Эмиль КонстантINESКУ продолжал несколько сходную политическую линию, поддерживая отношения в состоянии относительной жизнеспособности»¹¹.

⁹ Ильченко С. Проект «Россия – Румыния» (25.12.2012). <http://www.geopolitics.ru/2012/12/proekt-rossiya-rumyniya/>

¹⁰ Constantiniu L. Cristian Diaconescu la Moscova: pragmatismul, de la vorba la fapta, *Cadran politic*. – București, 2009. – Apr. - № 65. <http://www.cadranpolitic.ro/?p=3864>

¹¹ *Ibidem*.

Имея много исторических претензий к России (и в связи с Пактом Молотова-Риббентропа, и относящихся к катынскому делу, и более ранних), Польша не менее часто, чем Румыния, вступала в словесные перепалки с Россией. Под конец горбачевской «перестройки», в 1990-1991 гг., Польша стала проявлять невиданную до тех пор настойчивость в требовании вывода советских войск со своей территории. Экономическое сотрудничество с восточным соседом представлялось уже предметом дискуSSIONным, но еще вполне перспективным. После распада СССР и до августа 1993 г. в польско-российских отношениях еще отмечались попытки сохранить связи. По мнению польской исследовательницы Й. Стшельчик, это был период, когда отношения с Россией «уже не были приоритетом, но еще являлись своеобразной ценностью»¹². Следующие два года взаимоотношения уже находились в «тени НАТО».

Россия тогда особенно резко выступала против расширения НАТО на страны Балтии, но Польша демонстративно брала на себя роль адвоката при принятии этих стран, прежде всего Литвы, в Североатлантический альянс. Последнее, естественно, не вызывало положительных эмоций в Кремле.

Важной целью польской «восточной» политики являлось укрепление независимости и суверенитета Украины и Белоруссии, их проевропейской ориентации, что также не устраивало Москву. По мнению российских экспертов, объявленное стратегическое партнерство между Польшей и Украиной носило «в основном политический характер». «Ни украинская, ни белорусская экономика по большому счету не нужны Польше», - отмечал российский ученый Н. Бухарин. Суть же польской политики состояла в том, чтобы, «опираясь на западные деньги, поддерживать антироссийские силы и тенденции на Украине и в Белоруссии»¹³.

«Образ “тоталитарной России”, “жестокого северного соседа”, которого всегда стоит опасаться, поддерживался польскими СМИ. Многие трагические страницы нашей общей политической истории (такие, как Катынь) превращались из трагических событий прошлого в постоянно работающие пиар-акции, направленные против России. При этом практически не упоминалось, что советский народ сам был первой жертвой тоталитаризма и заплатил за тоталитарное прошлое страшную цену...»¹⁴.

¹² Strzelzik J. *Uczeczka Ze Wschodu. Rosja w polskiej polityce 1989-1993*. – Warszawa, 2002. – s. 461 (Cit.: Бухарин Н. Отношения между Польшей и Россией в оценках польских исследователей, *Страны Восточной Европы и Россия: взаимоотношения в начале XXI века*. – Москва: ИНИОН РАН. – С. 127)

¹³ Бухарин Н. Россия и Польша: Обозримые перспективы. <http://www.ieras.ru/journal/journal.2.2001/11.htm>

¹⁴ Василенко И. Перезагрузка в российско-польских отношениях: на пути к диалогу и согласию, *Мир и политика*. – Москва, 2011. - № 10. <http://mir-politika.ru/151-perezagruzka-v-rossiysko-polskih-otnosheniyah-na-puti-k-dialogu-i-soglasiiyu.html>

Отношения еще более ухудшились в 1994-1995 гг. из-за резкой критики со стороны Польши российских военных действий в Чечне. Это время отмечено резкими взаимными упреками между Л. Валенсой и Б. Ельциным. Тенденции к улучшению отношений выявились после победы на президентских выборах А. Квасьневского в декабре 1995 г. Во второй половине 1990-х годов наметилось стремление к возобновлению и развитию экономического сотрудничества, но политические отношения остались в замороженном состоянии. Польша, вступившая в 1999 г. в НАТО, решительно не выказывала стремления улучшать отношения с Россией.

У Болгарии в отличие от Польши, нет ярко обозначенных исторических претензий к России. Но и Болгария, как и ее восточноевропейские соседи, заявила в 1990-е годы о своей евроатлантической ориентации. И все же общий тон отношений был иной, нежели с Польшей, Румынией или странами Балтии. Причину, возможно, надо искать, в том числе, и в общих культурных корнях, и в положительных моментах истории, которая отражается в коллективной памяти. Даже в рамках социалистического содружества Болгария считалась самым верным союзником СССР.

Смена режима прошла здесь очень спокойно: в 1989 г. Генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии Тодор Живков¹⁵ был мирно отстранен от власти его же коллегами, которые и начали реформы. Сама компартия просто была переименована в «социалистическую», став одной из ведущих политических сил страны, через год выигравшей парламентские выборы. «Ее лидеры явно не стремились к резким шагам в отношениях со своим восточным партнером»¹⁶, - отмечал российский аналитик А. Васильев. К тому же установка на скорейшую переориентацию на Запад, как это было в большинстве бывших социалистических стран, в Болгарии «значительной частью населения не поддерживалась»¹⁷.

Однако в обществе были и силы, настроенные на немедленную интеграцию в европейские и евроатлантические структуры, а также скорейший разрыв с Россией. Они объединились тогда в Союз

¹⁵ Тодор Живков (1911-1998) в 1990 г. был привлечён к уголовной ответственности и отбывал заключение под домашним арестом, в 1996 г. по решению Верховного суда был освобождён. Популярность Живкова возросла в середине 1990-х в связи с экономическими трудностями, которые в то время испытывала Болгария. Даже через десять лет после смерти коммунистического лидера четверть болгарских граждан все еще испытывала ностальгию по социалистическому прошлому. Опираясь на эту статистику, в ноябре 2010 г. премьер-министр Болгарии, которого считают бескомпромиссным «евроатлантистом», заявил по телевидению: «Тот факт, что через 20 лет после его ухода из власти никто его не забывает, показывает, как много он сделал. Мы уже 20 лет приватизируем то, что было построено тогда» (Cit.: Опитите да се въздигне Живков едва ли не до водещ български държавник са жалки. Интервю с Митко Новков (7.12.2011. <http://www.svobodata.com/page.php?pid=7490&rid=8>)

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ *Ibidem.*

демократических сил (СДС), ставший главной оппозицией Болгарской социалистической партии (БСП).

«Дуализм болгарской политики в отношении России стал во многом определяться тем, какая политическая сила - социалисты или правоцентристы - находилась у власти»¹⁸. В общественном мнении на протяжении 1990-х годов обнаруживаются две позиции: прозападная и русофильская. «Так, даже самым рьяным болгарским атлантистам постоянно приходилось делать заявления, что курс их страны на вступление в НАТО никоим образом не направлен против России»¹⁹.

Тем не менее, Болгария еще до роспуска СЭВ и ОВД весной 1991 г. поспешила заявить о стремлении интегрироваться в западные экономические и политические структуры. Официальная заявка на полноправное членство в ЕС была подана в 1995 г. «Во многом это было формальностью, поскольку болгары не спешили выполнять все требования, необходимые для вступления, и проводить радикальные экономические реформы. Некоторые политики из БСП даже заговорили о своем собственном, “болгарском пути” развития»²⁰. И все же в отношениях Москвы и Софии в 1990-х годах наблюдалось определенное отчуждение. Даже во всех трудностях реформирования экономики болгары обвиняли Россию, и это понятно: болгарская (впрочем, как и словацкая) экономика в наибольшей степени была интегрирована в советскую.

В отличие от большинства стран региона Венгрия имела внешне более ровные отношения с Россией, стараясь проявлять сбалансированный подход. Вместе с тем, в 1990-е годы венгерско-российские отношения постепенно сходили на нет, торговые связи неуклонно сокращались, связи на политическом уровне были минимальны. Как и Прага, Будапешт не мог забыть травмирующее сознание трагических событий из социалистического прошлого. «Но в этой стране, где советские танки в 1956 г. жестоко подавили народное восстание, остается проблема прошлого. Осталась некая паранойя, а также общее ощущение тревоги, когда люди начинают слишком внимательно думать о последовавших после восстания десятилетиях молчаливого соглашательства»²¹. Само десятилетие 90-х началось с перезахоронения в 1989 г. бывшего премьер-министра Имре Надя, выступившего в 1956 г. против советского военного вмешательства и

¹⁸ *Ibidem.*

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Ibidem.*

²¹ Stack M.K. Hungary zigzags when it comes to Russia, *Los Angeles Times*. - Los Angeles, 2009.

заявившего в связи с этим о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора²².

Отношения России с Югославией в 1990-е годы находятся под знаком трагических событий ее распада и неспособности Москвы существенным образом повлиять на процесс мирного урегулирования в этой стране. Неудачи экономической и национальной политики, проводимой преемниками Тито в 80-е годы, стали благоприятной почвой для растущей напряженности между отдельными югославскими народами, в основе которой было стремление к самостоятельности. С конца 80-х СССР, проецируя эту ситуацию на попытки собственных союзных республик получить независимость, поддерживал позицию Белграда, настаивавшего на сохранении федеративной республики.

После распада СССР Москва, уже находясь в русле западной политики, признала в 1992 г. независимость Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины. На фоне растущего военного конфликта Россия не препятствовала временному исключению Югославии из Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также поддержала в Совете Безопасности резолюцию № 757, налагавшую на Югославию экономические санкции. Одновременно РФ приняла участие в миротворческих операциях международного сообщества, ведя переговоры и консультации в рамках Контактной группы. Тем временем НАТО все более включалась в процесс урегулирования.

Изменение позиции России в отношении конфликтов на территории бывшей Югославии произошло во второй половине 90-х годов, когда российское руководство стало отходить от прозападной «доктрины Козырева». Отказываясь от этих принципов, Россия берет курс на отстаивание собственных национальных интересов, и события в Югославии в полной мере отразили эту эволюцию российской внешнеполитической доктрины. На повестку дня выдвигались новые идеи, соответствующие принципам «реальной», а не либеральной политики. Хотя такие подходы поначалу не были нигде прописаны, но внешнеполитическая деятельность все более на них ориентировалась. Позже их совокупность была определена как «доктрина Примакова». Знаменитый разворот самолета Е. Примакова над Атлантикой в знак протеста против бомбардировок НАТО в Югославии в 1999 г. открыл новую страницу взаимоотношений России с внешним миром.

Россию не устраивало преобладание западного присутствия на балканском полуострове, не удовлетворяло, что НАТО не

²² Советским руководством Имре Надь был обвинён в реставрации капитализма и в результате суда, обвинившего бывшего премьера в «государственной измене», в 1958 г. он был казнен.

трансформировалась, а сохраняла свой прежний облик, унаследованный от эпохи «холодной войны». Россия же, не будучи членом альянса, не имела возможности влиять на ситуацию на Балканах.

«Противоположные взгляды на использование силы в косовском конфликте и последующее исключение края из сербской юрисдикции пополнили список спорных моментов»²³. Российская Федерация вплоть до февраля 1998 г. «придерживалась позиции, согласно которой стремление Косова получить независимость является исключительно внутренним делом Белграда»²⁴. В июне 1998 г. в Москве между С. Милошевичем и Б. Ельциным была подписана Декларация о мирном урегулировании ситуации в Косове. Согласно этой декларации Сербия сохраняла свою территориальную целостность, а Косову предоставлялась широкая автономия. Белград также выразил готовность начать переговоры об отправке в край миссии ОБСЕ и восстановлении членства Югославии в этой организации. Однако об уходе сербских специальных частей из Косова договориться не удалось.

В связи с тем, что бои продолжались, в течение 1998-1998 гг. со стороны международного сообщества предпринимались различные меры мирного урегулирования. Во время переговоров в Рамбуйе в январе 1998 г. США предложили обеим враждующим сторонам документы, касающиеся размещения в крае войск НАТО и возможности обретения независимости Косова по окончании трёхлетнего переходного периода.

Москва выступила против этих документов. В результате сербская сторона не подписала их полностью, и все вернулось на исходные позиции. Когда командование НАТО решило осуществлять бомбардировки Югославии для «принуждения к миру», Москва почувствовала себя в безвыходной ситуации: она была не способна этому воспрепятствовать, хотя и была категорически против. Оставалось ограничиться лишь символическими жестами, главным из которых стал упомянутый разворот над Атлантикой самолета Е. Примакова, направлявшегося в Вашингтон. Этим в основном и завершилось российское участие в балканском кризисе в 1990-е годы, и с этого начинается новая внешняя политика России в духе «Realpolitik», ставящая во главу угла национальные интересы.

Такой подход получил дальнейшее развитие в 2000-е годы, проявляясь на практике иногда в достаточно жесткой и агрессивной форме. Правда, даже зарубежные аналитики признавали, что Россию вынудили к такой стилистике взаимоотношений. Проявляя все большую активность в сфере обеспечения собственной национальной безопасности, российское

²³ Юст Й. Россия и конфликты на территории бывшей Югославии (11.4.2009). <http://www.srpska.ru/article.php?nid=11241>

²⁴ *Ibidem*.

руководство периода Путина-Медведева стало базироваться на идее многополярного мира. Эта идея родилась в противовес ситуации безальтернативного влияния США (так называемой «однополярности»). «Концепция многополярного мира *на деле* являлась стратегией политической борьбы против американской гегемонии»²⁵.

С начала 2000-х годов российское руководство активизирует свой интерес к Восточной Европе. Правда, больших успехов на поприще политического взаимодействия здесь не наблюдалось. Оживление контактов в первую очередь относится к сфере экономической. Российские эксперты не раз упрекали наши властные структуры в недостаточном внимании к проблемам Восточной Европы. Только в последние годы стали формироваться многосторонние научные проекты, направленные на выработку долгосрочных и среднесрочных внешнеполитических задач России в этом регионе.

Возвращаясь в заключение к вопросу о неизбежности ухода России из восточноевропейского региона в 1990-е годы, хотелось бы подчеркнуть, что целый комплекс экономических и политических процессов лежал в основании этого геополитического сдвига. Как отмечали российские исследователи, еще в начале 1980-х гг. обозначился процесс увеличения доли промышленно развитых стран с рыночной экономикой в торговле государствами региона и снижения доли Советского Союза. «Таким образом, в основе эрозии советского влияния в регионе было кардинальное изменение в соотношении сил и экономических потенциалов между СССР и западными державами, а случившемуся геополитическому переделу Европы предшествовал поистине "тектонический" геоэкономический сдвиг. В этом свете разговор о допущенных ошибках российской политики представляет академический интерес, но не должен порождать иллюзий: исторические по масштабу перемены происходят не по недосмотру или из-за просчетов»²⁶.

²⁵ Тренин Д. *Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад»*. – Москва: Европа, 2006. – С. 238.

²⁶ Центральная и Восточная Европа и интересы России. <http://www.svop.ru/files/meetings/m032313388810921.pdf>